

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. Преодоление разрыва: философия техники Жильбера Симондона между детерминизмом и конструктивизмом // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76686 EDN: KPBSLE
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76686

Преодоление разрыва: философия техники Жильбера Симондона между детерминизмом и конструктивизмом

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент, кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76686

EDN:

KPBSLE

Дата направления статьи в редакцию:

09-11-2025

Аннотация: Философия техники Жильбера Симондона занимает уникальную позицию в современном интеллектуальном поле, оказываясь в эпицентре ключевого и до сих пор неразрешенного противоречия социальных исследований технологий. С одной стороны, признавая имманентную логику технической эволюции через концепцию «конкретизации», она наследует интуиции технологического детерминизма. С другой, вводя понятия «ассоциированной среды» и «информации» как элементов, запускающих процесс «индивидуации», она открывает пространство для социального влияния, сближаясь с конструктивизмом. Актуальность данного исследования заключается в преодолении этой тупиковой дихотомии, которая парализует как теоретическую мысль, так и технологическую политику, заставляя выбирать между технократией и релятивизмом. Данная статья утверждает, что именно этот кажущийся парадокс делает наследие Симондона исключительно продуктивным для синтеза. Методологический подход исследования строится на стратегии междисциплинарного синтеза,

направленного на преодоление разрыва между философским анализом техники и эмпирическими социальными исследованиями. Его основу составляет интеграция трех ключевых перспектив: историко-философская реконструкция, критико-теоретическая интерпретация и социокультурный анализ технологий. Конкретные методы исследования включают: концептуальный и сравнительный анализ и анализ конкретных ситуаций. Таким образом, методология работы носит интегративный характер, нацеленный не на простое сравнение теорий, а на выработку нового концептуального языка для анализа и критики современных технологических процессов. Такой синтетический подход позволяет сформулировать научную новизну исследования, которая состоит в разработке прочных оснований для радикальной политики технологий, основанной не на внешней морализации, а на имманентной технической рациональности. Переосмысливая конкретизацию как не чисто технический, но техносоциальный процесс, статья обосновывает, что демократическое участие в формировании технологий является не внешним императивом, а внутренним условием подлинно прогрессивного развития, ведущего к большей интеграции между человеком, машиной и природой. Симбиоз идей Симондона с критической теорией Маркузе, выявляющей «потенциальность» технического развития, создает устойчивый теоретический фундамент для политики, направленной на преодоление отчуждения. В результате демократическое вмешательство в технологическое развитие получает глубокое философское и техническое обоснование: оно предстает не просто как моральный выбор, но как необходимое условие для подлинно рационального и прогрессивного пути, актуализирующего подавленные возможности самой техники.

Ключевые слова:

Симондон, Маркузе, техника, конкретизация, доиндивидуальное, индивидуация, критическая теория, детерминизм, конструктивизм, философия техники

Введение

Современная философия техники оказалась в методологическом тупике, задаваемом противостоянием технологического детерминизма и социального конструктивизма. Этот теоретический раскол имеет прямое отношение к сфере технологической политики, где доминируют либо технократические установки, либо релятивистские позиции. Консервативные аргументы продолжают апеллировать к устаревшим представлениям о прогрессе, в то время как общественные движения, выступающие за трансформацию технологий, часто обвиняются в иррационализме. Парадоксальный разрыв между передовой теорией и консервативной практикой составляет центральную проблему, решению которой посвящено настоящее исследование.

Философия техники Жильбера Симондона^[1,2,3] предлагает оригинальный путь преодоления этой дихотомии. Его концепции «конкретизации» и «индивидуации» позволяют рассматривать техническое развитие как процесс, обладающий внутренней логикой, но одновременно открытый для влияния социальных и природных факторов. Уникальность позиции Ж. Симондона заключается в определении прогресса через имманентные технические критерии, а не через экономические показатели или внешние ценности. Этот подход перекликается с философскими изысканиями Герберта Маркузе^[4,5], который видел в работах французского философа техники основу для освободительной теории науки и технологий. Несмотря на свой потенциал, проект

синтеза философии техники и критической теории остался нереализованным. Маркузе не хватило технической компетенции для разработки конкретной альтернативы, а сам Симондон, как отмечал Жильбер Оттуа [\[6, p.78\]](#), не углублялся в политические последствия своей теории, что объяснимо эпохой его творчества, предшествовавшей появлению общественных движений в технической сфере. Поэтому удивительное сближение этих философов на почве призыва к трансформации технологий осталось практически незамеченным. Однако современное развитие исследований науки и технологий, в частности, «акторно-сетевая теория» (АСТ) Бруно Латура [\[7,8,9\]](#), теория «ассамбляжей» Мануэля Деланда [\[10,11\]](#) или теория «фармакона» Бернара Стиглера [\[12,13,14\]](#), позволяют по-новому осмыслить наследие Ж. Симондона и довести до логического завершения начатый им проект.

Цель настоящего исследования заключается в разработке интегративного подхода на основе синтеза трех ключевых перспектив: философии техники Симондона, критической теории Маркузе и методологии социальных исследований науки и технологий. Этот синтез позволяет не только преодолеть разрыв между детерминизмом и конструктивизмом, но и предложить новые основания для демократического участия граждан в принятии решений, касающихся технологического развития. Основная гипотеза исследования состоит в том, что демократическое участие в формировании технологических систем является не внешним моральным требованием, а имманентным условием подлинно прогрессивного технологического развития. Интеграция концепций «конкретизации» и «индивидуации» с «критической теорией» открывает перспективы для формирования новой концепции технологической рациональности, способной ответить на вызовы современности.

Структура статьи предполагает последовательный анализ ключевых концепций Симондона, их критическое осмысление в свете современных теоретических разработок и демонстрацию практической значимости предлагаемого синтеза для решения актуальных проблем технологического развития. Особое внимание уделяется переосмыслению политики технологий через призму симондонского понимания прогресса как процесса конкретизации, ведущего к большей интеграции между человеком, машиной и природой.

За пределами конструктивизма: в поисках объективных оснований технического прогресса

Анализ современных философских концепций в области технологий позволяет выделить две фундаментальные категории, находящиеся в диалектическом противоречии. С одной стороны, существуют онтологические или культурные теории, которые рассматривают технологию как воплощение прогресса, определяемого преимущественно через критерии инструментальной эффективности, производительности и экономического вклада в благосостояние человека. Эти подходы, часто имеющие позитивистскую ориентацию, фокусируются на описании технических инноваций, которые действительно вносят значительный вклад в экономический рост и повышение качества жизни. Однако у этого прогрессистского подхода существует систематически игнорируемая «теневая» сторона, которая становится центральным предметом критики для второй категории концепций. Этой второй категорией являются теории «технизации» общественной жизни, наиболее влиятельной и философски проработанной из которых по праву считается теория Мартина Хайдеггера. Согласно распространенным интерпретациям его

работ[15,16,17], в процессе технизации происходит фундаментальная трансформация человеческого мировоззрения и социальных практик, в ходе которой многообразие человеческих ценностей и смыслов приносится в жертву универсальной логике эффективности и неограниченного технологического развития. Техника перестает быть нейтральным инструментом и становится способом раскрытия мира, который навязывает ему свои условия. Такой критический взгляд закономерно сочетается с идеей необходимости духовного возрождения, которое часто ассоциируется с тем или иным вариантом отказа от технологического образа жизни или, по крайней мере, с радикальным пересмотром его оснований.

Вот почему эти две категории концепций образуют напряженное концептуальное поле, в рамках которого технологический прогресс предстает либо как безусловное благо, измеряемое экономическими показателями, либо как угроза человеческой сущности, требующая преодоления. Эта дихотомия создает теоретический «тупик», поскольку заставляет выбирать между некритическим принятием технологической детерминации и радикальным отрицанием технического развития как такового. Реализуя стратегию историко-философской реконструкции, направленную на выявление генеалогии и внутренней логики концепций, данный анализ позволяет вскрыть подлинный радикализм проекта Симондона. Реконструкция ключевых положений его труда «О способе существования технических объектов» (1958)[11] в их соотнесенности с политико-философским проектом Маркузе выявляет неочевидное, но глубокое концептуальное родство. Метод реконструкции позволяет увидеть, что за внешним противоречием между «техничностью» Симондона и «критикой технологической рациональности» Маркузе скрывается общая цель: найти имманентные основания для альтернативной траектории технического развития, укорененные не в моральном протесте, а в самой онтологии техносоциальных отношений. Именно историко-философский анализ позволяет прочесть маркузианскую «потенциальность» не как метафизический пережиток, а как аналог симондонианского «доиндивидуального» заряда, а призыв Симондона к интеграции человека и машины – как техническое обоснование проекта преодоления отчуждения, к которому стремился Маркузе. В итоге реконструкция не просто сравнивает идеи, но синтезирует из них новый концептуальный «каркас», обнаруживая в наследии Симондона тот самый недостающий элемент «технической компетенции», которого, по признанию самого Маркузе, ему не хватало для завершения его критической теории.

Именно в этом контексте позиция Симондона занимает уникальное положение среди философов техники, поскольку определяет прогресс не через экономические критерии, а с сугубо технической точки зрения. Он обнаруживает принцип технического прогресса в самой природе техники, а не в ее отношении к обществу. Казалось бы, это отдаляет его от проекта Маркузе. Однако на самом деле Маркузе как раз нуждался в такой концепции прогресса, чтобы избежать радикального пессимизма Хайдеггера и своих коллег по Франкфуртской школе. В отличие от них его культурная концепция технологической рациональности оставляла пространство для перехода на более высокий уровень технического развития, и альтернативная концепция прогресса Симондона могла бы служить этой цели. Симондон отвергал идею духовного искупления и утверждал, что путь вперед лежит через более тесную интеграцию технологий с человеком и природой. Он пишет, что в высокоиндустриальной цивилизации отношение отдельного человека к обществу опосредовано машиной. Далее философ определяет, что идеал этих отношений заключается в подлинных взаимодополняющих отношениях, где человек должен быть сущим, дополняемый машиной, а машина – существом, которое обретает в человеке свое единство, завершенность и связь с совокупностью технического мира между двумя

Вселенными, которые иначе остались бы разделенными [\[2, p.277-278\]](#).

Такая позиция перекликается с утверждением Маркузе о возможности новой технологии, которая уважала бы людей и природу. Маркузе цитирует фрагмент из работы Симондона, содержащий призыв к культуре, рассматривающей как технические проблемы вопросы целеполагания, ошибочно относимые к сфере этики, а иногда и религии. Маркузе понимал это как необходимость воплощения ценностей в самой структуре и функционировании технологии, а не как противопоставление идеалов технологической реальности. Поэтому вслед за Симондоном он утверждал, что освобождение потребует глубоких изменений как в культуре, так и в научно-технической рациональности, раскрывая при этом скрытый радикализм Симондона. В этом случае эта малозаметная связь между радикальным марксистским социальным критиком и французским философом техники была обусловлена стремлением Маркузе разработать освободительную теорию науки и технологий. Несмотря на свою критическую позицию по отношению к тому, что он называл «технологической рациональностью», Маркузе не был враждебно настроен к науке и технологиям. В работах Симондона он обнаружил размышления о технологиях, которые предлагали альтернативу как некритическому восхвалению, так и чисто негативной критике [\[4, p.232-234\]](#).

Итак, сегодня особенно показательно, что первоначальная архитектура цифрового пространства, создававшаяся в логике хакерской этики и пользовательских инноваций, была в значительной степени подчинена и трансформирована возникшей позднее структурой «капитализма платформ» (Срничек) [\[18,19\]](#). То, что начиналось как пространство горизонтального сотрудничества, стало фундаментом для «эксплуататорских бизнес-моделей», где цифровые платформы, а не пользователи аккумулируют основную власть и ценность. В этом контексте современный феномен «технологического гражданства» проявляет двойственную природу. С одной стороны, он существует в формах сопротивления этой логике, будь то краудсорсинговые экологические мониторинги, оспаривающие корпоративные данные, или сообщества разработчиков открытого кода, создающие альтернативы закрытым экосистемам. С другой стороны, сама эта активность часто разворачивается на «аренах», архитектура которых подчинена целям «надзорного капитализма» (Зубофф) [\[20\]](#), превращающего человеческий опыт в поведенческие данные для прогнозирования и контроля.

Метод социокультурного анализа позволяет перевести теоретический спор о детерминизме и конструктивизме в плоскость конкретных технологических практик и конфликтов, демонстрируя эвристическую силу предлагаемого синтеза. Этот подход заключается в рассмотрении технологий как воплощенных социальных отношений, чья архитектура и траектория развития раскрываются через анализ столкновения различных ценностных систем и структур власти. Так, феномен «платформенного капитализма» (Срничек) анализируется здесь не просто как экономическая модель, а как специфический тип техносоциального ансамбля, где логика «надзорного капитализма» (Зубофф) вступает в противоречие с имманентным потенциалом цифровых сетей к горизонтальному сотрудничеству. Активизм в сфере «технологического гражданства» или экологических движений предстает в этом свете не как внешнее моральное давление на технику, а как социокультурная «информация», стремящаяся перенаправить процесс технической индивидуации в русло большей открытости, подконтрольности и экологической интегрированности. Таким образом, социокультурный анализ служит ключевым инструментом верификации, показывая, как абстрактные философские категории «конкретизации» и «ассоциированной среды» материализуются в современных «битвах» за дизайн алгоритмов, стандарты связи и право на ремонт.

Эти трансформации бросают вызов не только традиционной философии и социологии технологий, но и самой идее демократического технологического развития. Они демонстрируют, что вопрос заключается не просто в расширении участия рядовых граждан, а в фундаментальном конфликте за саму архитектуру цифрового будущего. Технологическое развитие становится полем острой политической борьбы между альтернативными траекториями: между миром, изобретенным будущим по логике Срничека, ориентированным на автоматизацию платформенного капитализма и освобождение от труда, и миром надзорного капитализма согласно Зубофф, где технологии используются для укоренения новых, невиданных ранее форм рыночной власти и социального управления. В результате переопределяются сами понятия «прогресса» и «рациональности»: прогрессивной оказывается не та технология, что эффективнее извлекает данные, а та, что расширяет возможности коллективного самоуправления и высвобождает человеческий потенциал из-под власти алгоритмических систем.

Феномен технического гражданства, проявляющийся в современных формах коллективного действия, со всей очевидностью демонстрирует ограниченность классических теорий технизации, в частности, хайдеггеровской версии, сосредоточенной на анализе тотального навязывания технологической рациональности современному обществу. Подобные теории, восходящие к веберовской концепции «рационализации»^[21] как глобальной социальной трансформации, описывают процесс, в ходе которого техническая рациональность выходит за пределы традиционных рамок доиндустриальных обществ. Однако большинство этих теорий изображают сопротивление технизации как исторически обреченное, не оставляя пространства для продуктивного преодоления сложившейся ситуации. Версия Маркузе, напротив, акцентирует принципиальный контраст между господствующей «технологической рациональностью», рассматривающей все сущее как объект контроля и манипуляции, и альтернативной формой технической рациональности, способной реализовать внутренний потенциал самих объектов. В этой связи понятие «потенциала» у Маркузе отсылает к имманентной динамике развития объектов. В его понимании как люди, так и природные системы обладают собственной способностью к росту и развитию, то есть телеологическими свойствами, которые систематически игнорируются и подавляются господствующей технологической рациональностью. Маркузе предполагал существование особого типа прогрессивных технических изменений, которые не противоречили бы этой внутренней динамике объектов, а соответствовали ей. Хотя его рассуждения сохраняли умозрительный характер, они обнаруживали глубокое созвучие с практикой социальных движений, формирующихся вокруг технических проблем. Это концептуальное сближение получило признание и у самого философа в поздний период творчества, когда в конце 1970-х годов он стал одним из первых представителей марксистской традиции, открыто поддерживавших экологическое движение.

Вот почему, казалось бы, можно было ожидать определенной концептуальной близости между проектом Маркузе и конструктивистскими исследованиями науки и технологий, хотя и основанной на различных методологических предпосылках. Однако в литературе социального конструктивизма практически отсутствуют отсылки к идее его оригинальной технической практики. Можно предположить, что конструктивисты сочли бы его концепцию «потенциальности излишне метафизичной», если бы вообще обратились к ее рассмотрению. Вероятно, именно эту позицию имплицитно разделял Латур^[9], последовательно отвергавший саму возможность существования некой сущности у людей и вещей. Кроме того, объяснение и нормативное обоснование сопротивления тому, что

Маркузе называл «технологической рациональностью», встречает серьезные теоретические затруднения и в рамках конструктивистского подхода к социальным движениям. Когда экологические активисты вынуждены опровергать консервативные обвинения в регрессивном иррационализме, доказывая прогрессивный характер своих требований, они апеллируют к определенному пониманию рациональности. Однако конструктивистская традиция склонна связывать саму идею «рационализации» с устаревшими позитивистскими и детерминистскими представлениями о технологическом развитии. В этом случае отказ от технологического детерминизма привел конструктивизм к парадоксальному результату: утрате способности адекватно концептуализировать специфику современности^[22]. В своих радикальных версиях отказ от понятия «рационализации» ведет к отрицанию особого характера технической рациональности как таковой. Многие представители исследований науки и технологий оспаривают существование «великой пропасти» между досовременными и современными обществами, рассматривая ее как артефакт наивных представлений о прогрессе. Такой подход, однако, создает серьезные трудности как для критики существующего «общества платформ», так и для разработки нормативно обоснованной концепции его трансформации, поскольку лишает исследование твердых оснований для социальной критики.

Однако, несмотря на эти расхождения, конструктивистская критика технологического детерминизма может быть полезна общественным движениям в полемике с консервативными аргументами. Социально-конструктивистские исследования технологий демонстрируют, что за конструктивными особенностями техники стоят социальные субъекты. Это имеет как герменевтические, так и причинно-следственные аспекты. Техническое развитие рассматривается как относительное по отношению к социальной интерпретации решаемых проблем. Стандартные технические категории, такие как работоспособный и неработоспособный, эффективный и неэффективный, анализируются через призму социальных требований и восприятия^[23, p.42].

Несмотря на свой эвристический потенциал, как конструктивистский подход, так и акторно-сетевая теория демонстрируют принципиальные ограничения при анализе технологического развития. Социальный конструктивизм, последовательно отвергая технологический детерминизм, оказывается неспособен предложить нормативные основания для критики существующих технологических систем и концептуализации прогрессивных альтернатив. Акторно-сетевая теория, расширяя понятие актора до включения нечеловеческих сущностей, тем не менее утрачивает категориальный аппарат для анализа структур власти и неравенства, что особенно проблематично в контексте таких вызовов, как, например, изменение климата или концентрация капитала. Подход Латтура, заменяющий «критику» на «композицию» приводит к политической нейтрализации в момент, когда требуется четкая нормативная позиция. В этом контексте теория Симондона предлагает перспективный путь синтеза, позволяющий преодолеть указанные противоречия. Его концепции «конкретизации»^[1, p.50] и «технической рациональности» создают теоретический мост между имманентным техническим развитием и социальными требованиями. В отличие от акторно-сетевой теории, Симондон сохраняет возможность критического анализа, а в отличие от классического конструктивизма, предлагает позитивное понимание технического прогресса через идею интеграции человеческого, технического и природного. Такой подход не только объясняет существующие технологические конфликты, но и открывает нормативную перспективу для их разрешения через демократизацию технологического развития, что особенно актуально в условиях современных экологических и социальных вызовов.

Конкретизация как имманентная логика технического прогресса

В философской системе Симондона проводится фундаментальное разграничение между технической сущностью, определяющей природу технологии как таковой, и утилитарной функциональностью, выражающей способы удовлетворения человеческих потребностей. Техническая сущность понимается как онтологическое основание техники, проявляющееся через особый тип мышления (технический менталитет) [\[24, p.21\]](#), ориентированный на внутреннюю логику технических взаимосвязей. Эта фундаментальная характеристика воплощается в каждом техническом устройстве и системе, оказывая формирующее влияние на современную культурную парадигму. Другими словами, техническое мышление – это нечто большее, чем просто идеологическая или субъективная категория, как в традиционных формах критической теории [\[25, p.13\]](#). Поэтому симондонианский технический менталитет вместо этого включает в себя метастабильное поле способов мышления, аффективных тенденций и этических ценностей, которые модулируют то, как мы думаем о технологиях и материально взаимодействуем с ними. При этом Симондон выдвигает предположение, что последовательное раскрытие технического потенциала создаст предпосылки для гармоничной интеграции человеческого и машинного начал в контексте усложненной техносоциальной организации.

Поэтому, несмотря на преобладающий утилитарный подход к восприятию технологий, Симондон предлагает методологическое воздержание от оценок практической полезности. Понимание принципов технического функционирования, согласно его позиции, должно основываться на закономерностях развития автономного способа существования, не сводимого к человеческим целям. Эти имманентные закономерности направляют прогрессивную эволюцию, достигающую своей кульминационной точки в феномене «технических индивидов» – машинных комплексов индустриальной эпохи. Основным принципом данного развития выступает «конкретизация», которую можно интерпретировать как аналог того, что специалисты в области техники обозначают термином «функциональная элегантность» [\[26\]](#).

Иными словами, в рамках предлагаемой Симондоном новой генетической онтологии, или онтогенеза, технический объект осмысливается в двойственном модусе существования. В отличие от живого сущего, технический объект Симондона никогда не достигает состояния завершенной конкретности, что обуславливает особый характер его генезиса. Технический объект лишен органической целостности, присущей живому существу. В отличие от линейного развития к конечной форме, его становление является непрерывным процессом конкретизации. То есть Симондон утверждает, что технический объект лишен индивидуации в смысле абсолютного генезиса и происхождения, присущего биологическим организмам. Вместо этого он проходит процесс конкретизации, который приобретает характер индивидуализации в индустриальную эпоху машин. При этом, согласно философской концепции Симондона, именно незавершенность технического объекта открывает пространство для его постоянного совершенствования и трансформации, составляя сущность не только технического прогресса, но и человеческого прогресса. Симондон утверждает, что человеческий прогресс – это способность переходить от одной исчерпанной формы развития (язык, религия) к другой (техника) и так далее без остановки. При этом мы не должны путать текущую «волну» прогресса (например, техническую) с прогрессом в целом [\[27\]](#).

Такая фундаментальная незавершенность находит свое прямое выражение в генезисе технического объекта, чья особенность проявляется в принципиальной открытости и способности к бесконечному совершенствованию через установление новых связей со своей ассоциированной средой [\[1, п.56-57, 3, п.24-25\]](#). В этом контексте незавершенность технического объекта следует понимать не как недостаток, а как онтологическое условие возможности его развития. Именно благодаря отсутствию окончательной конкретности технический объект способен эволюционировать, порождая не только новые технические индивиды, но и усложняющиеся технические ансамбли [\[28, п.232\]](#). В этом случае конкретизация представляет собой непрерывный процесс, в ходе которого технический объект становится все более целостным и внутренне согласованным. Данный процесс находит свое конкретное выражение в том, что различные части технического объекта начинают выполнять множественные функции, устраняются внутренние противоречия, и объект приближается к состоянию технической индивидуальности.

Важно подчеркнуть, что данный процесс разворачивается исключительно в рамках видовой линии технических объектов (коллективной филогенетической линии), где никогда не завершающийся генезис отдельного индивида оказывается в действительности целым филогенезом. Поэтому новый технический индивид, каковым является промышленная машина, должен быть признан автономным в сфере труда. Это освобождение машин создает предпосылки для освобождения людей при условии преодоления психофизиологического отчуждения работников посредством такой технической автономии. Данный тезис составляет реальную социально-политическую цель философского проекта Симондона, поскольку его теория фаз культуры фактически представляет собой новую проблематику, своеобразным образом интегрирующую технологии в культуру. Однако при более глубоком рассмотрении эта теория оказывается парадоксальной генетической эйдетикой (учение о сущностях), а не историей культуры в традиционном понимании.

Вместе с тем процесс конкретизации, согласно логике Симондона, оказывает трансформационное воздействие не только на внутреннюю структуру технического объекта, но и на его отношение к технико-географической среде, той внешней нише, которая необходима для его функционирования. Данная взаимозависимость обладает «градуированным» характером, проявляясь на различных уровнях: от простых технических требований, таких как стандартизация напряжения для электрических устройств, до сложных форм синергии, при которых технология активно трансформирует и реорганизует различные элементы внешнего мира, формируя новую целостную систему. Классическим примером подобной трансформации служит плотина гидроэлектростанции, которая целенаправленно создает искусственное водохранилище, выступающее одновременно и как продукт инженерной деятельности, и как неотъемлемый компонент самой технологической системы, обеспечивающий работу турбин. В результате конкретизированный технический объект не просто адаптируется к готовой среде, но и активно участвует в генезисе сложного гибридного ландшафта, где природные и технические элементы коэволюционируют в рамках единого функционального комплекса.

Именно в данном контексте Симондон вводит нормативный аспект, отсутствующий в чисто описательных подходах исследований науки и технологий, но необходимый для осмысленного и ответственного технологического развития. Развивая свою мысль в русле критической теории и признавая наличие внутреннего напряжения, присущего современному этапу технологического развития, философ усматривает его источник не только в конфликте социальных интересов, но и в самом способе существования техники

в мире. Он полагает, что это фундаментальное напряжение должно быть преодолено не через политическое противостояние, а через глубокую и продуманную интеграцию человечества, природы и машин в будущем обществе, которое сумеет освободиться от пороков «слепой» и отчужденной технологизации. Вот почему Симондон видит в технике не угрозу, а исторический шанс. Шанс создать такую систему «человек-техника», которая благодаря своей укорененности в самой человеческой природе сможет избежать судьбы языка и религии, не замкнется в себе и сохранит высокий «внутренний резонанс», обеспечивая подлинный прогресс для всего человечества.

Индивидуация и доиндивидуальное: онтологические основания философии техники Симондона

Конкретизация технологий раскрывает их внутреннюю динамику, но для Симондона эта динамика является проявлением более фундаментальной процессуальной онтологии. Он рассматривает техническую эволюцию как одну из фаз процесса индивидуации, в ходе которой любое сущее, будь то живой организм, сознание или технический объект, обретает свою целостную форму через взаимодействие со средой. Именно этот подход позволяет установить связь с биологией: в основе философии Симондона лежит теория «индивидуации», находящаяся под влиянием концепции «Umwelt» немецко-русского биолога и философа Якоба фон Иксюля. Иксюль утверждал, что организм взаимодействует не с природой как таковой, а с определенным ее сегментом, к которому он адаптирован, а именно со своей экологической нишей.^[29] В этом подходе целое предшествует частям: живое сущее и природные объекты формируют его среду совместно. Эта теория повлияла на хайдеггеровское понятие «бытия-в-мире» и на мировоззрение учителей Симондона Жоржа Кангилема^[30] и Мориса Мерло-Понти^[31,32,33].

Согласно Симондону, индивид не предшествует своим отношениям с миром, а возникает в процессе дифференциации из «доиндивидуальной»^[3,п.28] среды, которая разделяется на индивида и его «индивид-среду». Моделью этого процесса служит образование кристаллов в перенасыщенном растворе при нарушении равновесия. Единичная частица пыли может инициировать процесс, который затем распространяется по всей метастабильной жидкости, пока не выпадет в осадок все вещество. Этот процесс, называемый Симондоном «трансдукцией»^[3,п.32-34] зависит от внешнего элемента, который он обозначает как «информация». Хотя он критически относится к теории «информации» Клода Элвуда Шеннона^[34], его подход несет на себе ее отпечаток.

Именно здесь концепция «информации» Симондона находит мощный резонанс в критической теории Маркузе. Если «доиндивидуальное» у Симондона – это поле неактуализированных потенциалов и напряжений в системе, то «потенциальность» у Маркузе – это те скрытые возможности более свободной и неструктивной технической рациональности, которые существуют в латентном состоянии. Социальное движение в этой связке и выступает той самой «информацией» – внешним по отношению к сложившейся технической системе элементом, который, однако, резонирует с ее внутренними противоречиями и инициирует процесс ее трансдукции (трансиндивидуации). Ярким историческим примером является экологическое движение, которое с 1970-х годов выступало в роли такой «информации» для автомобильной промышленности. Требования снижения вредных выбросов, актуализируя маркузианскую «потенциальность» к более гармоничным отношениям с природой, резонировали с

внутренними техническими противоречиями неэффективных двигателей. Это событие социального требования и технической проблемы инициировало процесс конкретизации, выразившийся во внедрении каталитических нейтрализаторов, систем непосредственного впрыска топлива и, в конечном счете, в развитии гибридных и электрических силовых установок. Поэтому «информация» от социального движения перенаправила траекторию «индивидуации» целого технического ансамбля, актуализировав имманентный, но подавленный потенциал («потенциальность») его развития в новом направлении.

Вместе с тем, хотя кристаллизация полезна для иллюстрации «доиндивидуального», она может создать ложное впечатление, что процесс индивидуации [\[1, p.46-77\]](#) начинается с полностью неиндивидуализированной среды. Это может быть истолковано как утверждение, что доиндивидуальное существует до разделения на субъективную и объективную фазы. Однако если бы доиндивидуальное существовало как сущность, у него тоже должна была бы быть своя доиндивидуальная основа. Сам раствор, в котором образуется осадок, уже является индивидом в лабораторных условиях, что предполагает необходимость поиска источника на еще более глубоком уровне доиндивидуальности, создавая угрозу бесконечного регресса.

Реальное содержание понятия «доиндивидуальности» имеет аналитический характер. Это способ объяснения потенциальности и динамики развития. Симондон утверждает, что индивиды сохраняют заряд «доиндивидуальной» энергии или потенциала, который может реализоваться в процессе их развития. При этом теория «индивидуации» призвана заменить аристотелевскую гилеморфическую схему [\[3, p.48-49\]](#). Аристотелевская «субстанция» состоит из внутреннего соотношения материи и формы. Например, план архитектора (форма) реализуется в строительных материалах (материя). Каждая субстанция имеет свою основу и лишь контингентна [\[35,36,37\]](#) связана с окружающей средой. Ветер и дождь воздействуют на дом поверхностно, не затрагивая его сущности. Именно эта статичная и субстанциальная концепция и представляет собой фундаментальную проблему для современной мысли, которая стремится осмыслить реальность как непрерывный процесс становления. В этом случае Симондон предлагает альтернативу аристотелевской концепции «потенциала». Если Аристотель видит в потенциале (например, в желуде, становящемся дубом), метафизическую сущность, то Симондон рассматривает его как динамическое напряжение в системе «индивид-среда». Это напряжение, а не внутренняя сущность служит источником развития и движет системой к большей целостности, что отражает прогрессивную логику его теории «конкретизации». Таким образом, теория Симондона сохраняет идею направленного развития, но отвергает ее метафизические основания, предлагая более универсальную модель.

Можно отметить, что отдельные аспекты теории «индивидуации» Симондона перекликаются с акторно-сетевой теорией (АСТ), что позволяет яснее увидеть суть его полемики с Аристотелем. В интерпретации Латура АСТ [\[9\]](#) представляет собой то, что Симондон назвал бы «онтогенетической» теорией общества: социальные группы возникают и существуют благодаря сетям связей, объединяющих людей и не людей. Человеческие сообщества и технологии взаимосвязаны, выступая друг для друга средой в процессе взаимной индивидуализации. Этот процесс, обозначаемый как совместное «производство» устанавливает внутреннюю связь между технологией и обществом, а не рассматривает их как отдельные субстанции, вступающие во внешние взаимодействия. Ярким примером служит производительный труд, где рабочие объединяются вокруг инструментов, которые, в свою очередь, могут быть ими усовершенствованы.

Повсеместное распространение технологий умножает подобные отношения. Как отмечает современный философ Донна Харауэй, люди и их инструменты становятся гибридами, киборгами, воплощающими совместное производство [\[38\]](#). Такой взгляд противоречит представлению о независимом существовании людей и инструментов. Человек неотделим от технического объекта: люди по своей сути являются создателями и пользователями инструментов в конкретных практиках. Однако это порождает вопрос о происхождении кажущейся замкнутой системы, в которой люди зависят от инструментов, а инструменты – от людей.

Но как мыслить эту взаимозависимость, не впадая в порочный круг? Где искать источник этой гибридности? Ответ заключается в отказе от поиска «начала» и признании, что сама оппозиция «человек-инструмент» является не исходной точкой, а производным результатом. Именно эту онтологическую позицию и разделяют акторно-сетевая теория и философия Симондона. Основная точка соприкосновения между ними заключается в понимании изначальной природы реальности. Оба подхода отвергают привычные дуализмы (например, субъект/объект, природа/культура) как нечто первичное. Вместо этого они исходят из идеи гибрида, или доиндивидуального единства. Латур утверждает, что любая технология с самого начала представляет собой сплав «социограммы» (сети социальных отношений) и «технограммы» (конфигурации технических элементов). Эти два аспекта неразделимы: информация об одном одновременно является информацией о другом [\[39, p.138\]](#). Разделение на «социальное» и «техническое» – это не отражение сущностной разницы, а всего лишь аналитическая абстракция, «очищение», которое маскирует изначальную гибридную реальность.

Но если эта техносоциальная реальность первична, то как она устроена? Что предшествует самому акту разделения? Ответ на этот вопрос требует выхода за рамки социологии, в сферу онтологии. Здесь ключевой становится философия Симондона, которая раскрывает «доиндивидуальную реальность», существующую до любых противопоставлений. Такие бинарные оппозиции, как «живое и инертное» (а, по аналогии – «человеческое и нечеловеческое») возникают позже, как результат наложения дуалистической схемы мышления. Они являются не первичными сущностями, а лишь «маркерами границ», которые «выталкиваются» из единого целого. В результате, если интерпретировать Симондона через призму АСТ, технология-гибрид – это и есть базовая техносоциальная реальность «срединного Царства» [\[7, p.78\]](#), пространства непрерывного обмена свойствами между человеком и нечеловеком. А то, что мы воспринимаем как отдельные «природные» или «социальные» компоненты – это всего лишь производные абстракции, возникающие при взгляде на это единое целое с определенной точки зрения.

Следовательно, неверно понимать технологический гибрид как механическое соединение двух готовых сущностей – «социального» и «природного». Это не гилеморфический акт наложения внешней формы на инертную материю. Реальность является изначальным гибридом, доиндивидуальной. Именно из этого первичного единства, согласно логике Симондона, через процесс индивидуации последовательно и возникают все привычные нам категории. Поэтому «социальное» и «природное» – это не исходные точки, а результаты дифференциации. Однако именно здесь траектории Латура и Симондона радикально расходятся. Латур, отрицая саму категорию сущности, растворяет все в «плоской онтологии сетей». Симондон же совершает онтологический сдвиг: он не упраздняет сущность, а переносит ее в новое, «трансиндивидуальное» [\[2, p.19\]](#) измерение, в совокупность индивида и его среды. Это

позволяет ему разработать то, что принципиально отсутствует в акторно-сетевой теории, – имманентную теорию технического прогресса. Для Симондона развитие технологии – это не случайное блуждание сетей, а внутренний процесс разрешения противоречий и актуализации скрытых возможностей, ведущий к «конкретизации» технического объекта.

Таким образом, этот симондонианский поиск потенциала, не опирающийся на традиционную телеологию, находит неожиданный резонанс не в Social Studies of Science and Technology (STS), а в критической теории. При этом Маркузе сталкивается с той же фундаментальной проблемой: ему требуется обосновать возможность перехода к новой пострепрессивной организации общества. Как и Симондон, он находит источник этого потенциала не внутри изолированного субъекта или объекта, а в реляционной ткани, связывающей технологию и общество. Вот почему, хотя Маркузе и апеллирует к Гегелю за диалектическим методом и концепцией «исторической возможности», но именно концепции «доиндивидуального» и «трансиндивидуального» у Симондона предлагают более строгое и мощное обоснование технологического потенциала. Однако именно эта способность обосновывать технологический потенциал, минуя детерминизм, делает особенно актуальной проблему технологического детерминизма для наследия Симондона.

Проблема детерминизма: переосмысление наследия Симондона

Итак, проблема технологического детерминизма представляет собой серьезный вызов для наследия Симондона. Его философский замысел во многом утрачивает свою убедительность, поскольку может быть воспринят как устаревшая детерминистская философия техники. Большинство современных исследователей в области социальных исследований технологий уже не считают детерминизм жизнеспособным подходом. Хотя в последнее время и предпринимались интересные попытки переосмыслить детерминизм, ни одна из них не приблизилась к той радикальной форме, которую он, судя по всему, принимает у Симондона. Во многих своих работах он аргументирует в пользу того, что, например, современный исследователь Салли Уайатт называет «нормативным технологическим детерминизмом»^[40] – позиции, практически полностью исключающей возможность социального влияния.

Применяя метод критико-теоретической интерпретации, данный анализ целенаправленно помещает наследие Симондона в поле напряженной дискуссии с современными теоретическими подходами. Эта стратегия позволяет не просто констатировать возможные обвинения в детерминизме, но и провести их содержательный разбор, выявляя как уязвимые места, так и скрытые резервы симондонианской мысли. Критико-теоретическая интерпретация позволяет, с одной стороны, использовать аргументацию социального конструктивизма (в лице таких исследователей, как Уайатт), для вскрытия слабостей радикальных утверждений Симондона об автономии техники. С другой стороны, этот же метод дает инструменты для содержательной полемики с «плоской онтологией» акторно-сетевой теории (Латур), демонстрируя, что симондонианские концепции «трансиндивидуального» и имманентного потенциала развития предлагают более мощное основание для критики структур власти, нежели латуровская «композиция». В результате критико-теоретическая интерпретация работает здесь как механизм двойного действия: она подвергает теорию Симондона стресс-тесту, одновременно используя ее саму как критический инструмент для выявления ограниченности альтернативных подходов.

Эта радикальная позиция, однако, представляет собой лишь одну из крайностей в рамках более широкого теоретического противостояния. Традиционный технологический детерминизм, постулирующий единственный путь развития технологий и их предопределяющее влияние на общество, противостоит конструктивистскому подходу, признающему множественность траекторий технологического развития под воздействием социальных факторов. Хотя исторические примеры демонстрируют взаимное влияние технологий и общества, позиция Симондона оказывается сложнее, чем может показаться. В своем труде «О способе существования технических объектов» он, используя технически нейтральные примеры, проводит ключевое различие между внешними и внутренними причинами технологического развития. Это противопоставление техничности и полезности создает эффект технологической автономии, где обществу отводится роль адаптирующейся стороны. Как отмечает Бернар Стиглер, симондонианская надежда на примирение технологии и общества основана не на социальной воле, а на имманентных изменениях внутри самой технической системы^[12]. При этом позиция Симондона достигает крайности в его более поздних работах, где он утверждает абсолютную автономию техники, чьи нормы развития якобы полностью независимы от общества. Паскаль Шабо иллюстрирует этот подход примером с «имманентным идеалом размера» технических объектов^[41, p.73]. Действительно, логика увеличения электростанций или миниатюризации электроники имеет техническое обоснование. Однако такой детерминизм не объясняет, почему масштабность ассоциируется с американской культурой, а миниатюрность – с японской. Социальный контекст не просто сопровождает техническое развитие, а придает ему культурный смысл и направление, объясняя конкретные формы и время внедрения инноваций, которые с чисто технической точки зрения могут казаться контингентными.

В связи с этим Жан-Юг Бартелеми оспаривает интерпретацию Ж. Симондона как последовательного технологического детерминиста^[42]. Важно отметить, что сам Симондон проводил различие между внешней историей и внутренним «генезисом» технологий, который, по его мнению, отражал их имманентную логику. Хотя этапы развития действительно следуют этой внутренней логике, он не утверждал, что технология единолично определяет форму социальной жизни. При этом Бартелеми подчеркивает, что Симондон писал: «Изобретение происходит тогда, когда социальный фильтр его пропускает»^[43, p.312]. Это ключевой момент: путь технического прогресса может быть либо заблокирован, либо разрешен обществом, но не он сам по себе предопределяет общественное устройство. Тем не менее одно из ключевых возражений против позиции Симондона представляется в значительной степени обоснованным. По крайней мере, в большинстве его работ движущей силой технического развития выступает имманентная логика самой технологии, а не запросы общества или его потребности.

Эта методологическая установка находит свое прямое выражение в его ошибочном анализе становления и развития практики механической репродукции визуальных образов (фотографирования). Хотя Симондон оценивал растущую автоматизацию массовых камер как регресс, в действительности она представляла собой прогрессивное развитие, приведшее к созданию универсальной технической платформы. Его критика игнорировала ключевое достоинство зеркальных камер: сочетание автоматизации с сохранением творческого контроля, что в конечном счете удовлетворило потребности как обычных пользователей, так и профессионалов. Ошибочность предсказаний Симондона ярко проявилась в его увлечении камерой Polaroid с ее мгновенной печатью,

тогда как реальный путь развития фототехники пошел в сторону SLR-систем. Именно универсальность и способность к адаптации, а не узкая специализация определили успех зеркальной платформы, которая доминировала в фотографии десятилетиями и плавно эволюционировала в цифровую эпоху. Этот пример демонстрирует принципиальную ограниченность его подхода, не учитывающего, что подлинная «конкретизация» технологии происходит через ее способность адаптироваться к разнообразным социальным практикам, а не через движение по заранее предопределенному техническому пути.

Однако методологическая ограниченность отдельного прогноза не отменяет эвристической ценности его концептуального аппарата, что становится особенно очевидным при анализе современных технологических конфликтов. Борьба за «право на ремонт» представляет собой столкновение двух моделей конкретизации: одна направлена на создание замкнутой, контролируемой производителем системы (запланированное устаревание), а другая – на развитие открытой, ремонтпригодной системы, увеличивающей автономию пользователя и устойчивость устройства. Аналогично в развитии алгоритмов рекомендаций мы наблюдаем конкуренцию между траекторией, ориентированной на сиюминутную максимизацию вовлечения (порождающую социальную метастабильность), и траекторией, нацеленной на поддержку когнитивного разнообразия и социальной связности. Наконец, глобальные споры вокруг регулирования искусственного интеллекта суть не что иное, как борьба за определение его «ассоциированной среды»: будет ли она корпоративно-контролирующей или же станет средой общественного блага, ориентированной на коллективное процветание. Эти примеры показывают, что «конкретизация» – это не имманентный и единственно возможный путь, а поле политической борьбы, где социальные требования выступают той самой «информацией», которая направляет техническую эволюцию. Кроме того, ошибка Симондона была вызвана его излишней концентрацией на различии между оптическими и химическими процессами, которое он считал фундаментальным для техники фотографии. Однако он не пояснил, почему этот аспект должен быть важнее, чем, например, различие между ручным и автоматическим управлением, которое в итоге и определило дальнейшее развитие. Данный пример наглядно демонстрирует произвольность, присущую «чисто» техническому подходу: при огромном разнообразии технических характеристик не существует имманентных чисто технических причин для того, чтобы в прогнозировании будущего выделять одни свойства и игнорировать другие.

Предлагаемый синтез, основанный на философии Симондона, закономерно сталкивается с рядом серьезных возражений, систематический разбор которых позволяет укрепить и прояснить нашу позицию. Во-первых, это обвинение в технологическом детерминизме, которое, как мы видели, подкрепляется отдельными радикальными формулировками самого Симондона. Однако наш синтез, интегрирующий понятие «ассоциированной среды» снимает остроту этого обвинения: имманентная логика «конкретизации» задает не единственный предопределенный путь, а спектр возможных траекторий, из которых реализуется та, что получает необходимую «информацию» от социокультурного контекста. В результате детерминизм «конкретизации» является не жестким, а градуированным и условным. Во-вторых, критики могут указать на технологический оптимизм проекта, который якобы игнорирует репрессивный потенциал любой техники. Ответ на это возражение заключается в синтезе с критической теорией Маркузе: признавая «потенциальность» техники, мы одновременно признаем и возможность ее «неверной» актуализации в условиях доминирующих отношений власти. Задача же политики технологий – вскрывать эти подавленные потенциалы и бороться за их

реализацию. Наконец, третий аргумент – утопизм утверждает, что надежда на демократическую «информацию» технической эволюции наивна перед лицом мощи корпораций и технократических элит. Однако этот утопизм снимается онтологией Симондона: отчуждение, порождаемое нефункциональными и репрессивными системами, создает внутреннюю «метастабильность» – системное напряжение, которое делает сопротивление не внешним моральным жестом, а имманентной необходимостью для самого выживания и развития техносоциального ансамбля. Таким образом, предлагаемый подход не гарантирует «окончательной победы», а предоставляет фундаментальную теоретическую основу для осмысленной и обоснованной борьбы за направление технологического развития.

Однако у теории Симондона существует и другая, менее заметная сторона. Некоторые не столь развитые аспекты его мысли поддерживают идею, близкую конструктивистскому понятию «недостаточной детерминации». Его центральная концепция «индивидуации» напрямую зависит от понятия «метастабильности», которое в своей сути несовместимо с детерминистской теорией «прогресса». Симондон считает, что существование может обладать несколькими последовательными энтелехиями [\[2, p.216\]](#). Это означает, что нормы, в соответствии с которыми объекты проходят процесс индивидуализации, не заданы раз и навсегда. Они способны изменяться, и можно предположить, что это происходит под влиянием меняющихся условий ассоциированных сред с техническими объектами, в которых различные внешние стимулы актуализируют различные внутренние потенциалы.

Вместе с тем наиболее плодотворный путь преодоления антиномии функционирования и использования открывается при последовательном развитии самого симондонианского понимания технологии как открытой системы. Если машина действительно представляет собой не замкнутую субстанцию, а свободную совокупность элементов, способную к бесконечным рекомбинациям, то социальные практики и культурные коды закономерно входят в саму ткань технической эволюции как полноценные компоненты этой системы. Социальная среда в таком случае перестает быть внешним «паразитарным» фактором и становится имманентным условием технической индивидуации, трансформируя культурные паттерны. Например, преобразуя устойчивые культурные паттерны, подобные японской эстетике миниатюризации, в действенные технические «информации». Этот синтез позволяет преодолеть ограниченность как технологического детерминизма, так и социального конструктивизма, раскрывая человеческий прогресс как процесс совместной эволюции технических возможностей и человеческих смыслов, где социальное не просто влияет на технологию, а становится внутренним измерением ее развития.

Заключение

Таким образом, современная борьба за направление технологического развития представляет собой социально-политический процесс, в котором демократические вмешательства бросают вызов устоявшимся техническим кодексам. В отличие от конструктивистского подхода, игнорирующего внутреннюю техническую рациональность, симондонианская концепция «техничности» признает имманентную логику технических систем как полноправных акторов техносоциального синтеза. Этот синтез преодолевает тупик взаимоисключающих методологий через теоретическую «конкретизацию», а именно органичное объединение техничности с пониманием социальных акторов. Такой подход позволяет анализировать технологические изменения как процесс совместной эволюции, где техническая рациональность и социальные ценности находятся в

рекурсивном взаимодействии^[44]. В этом случае переосмысленная концепция «конкретизации» открывает новые перспективы для политической теории технологий, хотя и требует дополнения пониманием роли конфликтов интересов и власти. Синтез нормативности Симондона и понятия «потенциальности» Маркузе создает методологическую основу для преодоления ограничений технократического подхода. Признание имманентного потенциала технологического развития, проявляющегося через социальное сопротивление, позволяет вскрывать альтернативные траектории прогресса. Конкретизация демонстрирует, что экологические и социальные требования – это не внешние ограничения, а законные выражения внутренней логики развития, способные порождать синергетические эффекты.

Отсюда можно сделать вывод, что Симондон предлагает модель прогресса как последовательность волнообразных циклов развития различных сфер человеческой деятельности. Современная техническая эпоха представляет собой исторический шанс создать относительно устойчивую систему «человек-техника», способную избежать судьбы предыдущих форм развития. Ключом к этому является создание «метрологии человека», позволяющей обратить технический прогресс на самого человека. Это открывает путь к новому этапу развития, где техническая эволюция становится инструментом реализации человеческих и природных потенциалов в их органическом единстве, а демократическое участие – когнитивной необходимостью для достижения высших форм конкретизации.

Вместе с тем актуальность предлагаемого синтеза становится особенно очевидной в контексте таких глобальных вызовов, как антропогенный экологический кризис, развитие искусственного интеллекта и биоинженерии. Эти проблемы не являются чисто техническими или чисто социальными по своей природе. Они требуют именно техносоциального подхода. Концепция «ассоциированной среды» Симондона позволяет увидеть, например, что климатические изменения – это не внешний сбой, а результат системной дисфункции в гигантском техногенном ансамбле индустриальной цивилизации. Следовательно, данное решение требует не просто «зеленых» технологий, а глубокой трансиндивидуации всей системы «человек-техника-природа», где экологические императивы становятся имманентной «информацией», направляющей процесс технической конкретизации. Поэтому демократическое участие в технологическом развитии предстает не как право голоса внешних наблюдателей, а как когнитивный и онтологический процесс интеграции разнородных «ассоциированных сред» – от локальных сообществ, страдающих от последствий тех или иных решений, до экспертов и самих технических систем. Это предполагает создание новых гибридных форумов, где «техническое гражданство» реализуется в практике коллективного поиска таких траекторий развития, которые одновременно усиливают имманентную техническую рациональность (конкретизацию) и актуализируют подавленные социальные и природные потенциалы (потенциальность по Маркузе). Борьба за открытые стандарты, против тотальной алгоритмизации и цифрового надзора, за «право на ремонт» – все это эмпирические формы такой техносоциальной индивидуации.

Критик мог бы возразить, что такой синтез является утопическим, учитывая доминирование платформенного капитализма и технократических элит. Однако сила симондонианско-маркузианского подхода заключается в том, что он находит точки опоры для сопротивления не в моральных призывах извне, а в имманентных противоречиях самой технологической системы. Отчуждение, порождаемое неконкретизированными, нефункциональными или репрессивными технологиями, создает внутреннее напряжение (метастабильность), которое и является источником новых фаз индивидуации.

Социальные движения, выступающие за альтернативные технологии, в этой логике являются не противниками прогресса, а, напротив, агентами, способными «проинформировать» и направить техническую эволюцию по более рациональному и прогрессивному пути, снимающему это отчуждение

В конечном счете, наследие Симондона, прочитанное в диалоге с Маркузе и современными STS, позволяет сформулировать проект новой технологической рациональности. Это рациональность, которая отказывается от ложного выбора между технократическим детерминизмом и социальным релятивизмом. Ее ядро составляет понимание того, что наиболее подлинная, эффективная и устойчивая техническая система – это та, которая достигает высшей степени конкретизации именно через свою открытость к трансиндивидуальному измерению, то есть к интеграции с человеческими коллективами и природными средами. В этом смысле демократия и технический прогресс перестают быть оппозициями. Они становятся взаимно необходимыми условиями для друг друга в процессе бесконечного становления техносоциального мира.

Библиография

1. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
2. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
3. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
4. Marcuse H. One-Dimensional Man. Boston: Beacon Press, 1964. 257 p.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
6. Hottois G. Simondon et la philosophie de la 'culture technique. Bruxelles: De Boeck Université, 1993. 140 p.
7. Latour B. We Have Never Been Modern. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 157 p.
8. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor–Network Theory. Oxford, UK: Oxford UP, 2005. 312 p.
9. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 173–200.
10. DeLanda M. Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 198 p.
11. Деланда М. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
12. Stiegler B. Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus. Stanford, CT: Stanford University Press, 1998. 316 p.
13. Stiegler B. Technics and time. Part 2. Stanford, CT: Stanford University Press, 2009. 285 p.
14. Stiegler B. Technics and Time. Part 3. Stanford, CT: Stanford University Press, 2010. 280 p.
15. Хайдеггер М. Понятие времени. СПб.: «Владимир Даль», 2021. 199 с.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 452 с.
17. Хайдеггер М. Исток художественного творения. СПб.: Академический проект, 2008. 528 с.
18. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
19. Срничек Н. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
20. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 781 с.

21. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–273.
22. Lynch M. Scientific practice and ordinary action: ethnomethodology and social studies of science. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 355 p.
23. Pinch T., Bijker W. The Social construction of technological systems new directions in the sociology and history of technology. Cambridge, MIT Press, 1989. 405 p.
24. Simondon G. Culture and technics (1965) // Radical Philosophy. 2015. № 189. P. 17–23.
25. Boever De A. Gilbert Simondon: Being and Technology. Edinburgh University Press, 2012. 236 p.
26. Simondon G. On techno-aesthetics // Parrhesia. 2012. № 14. P.1–8.
27. Simondon G. Sur la technique (1953–1983). Paris: Presses universitaires de France, 2014. 460 p.
28. Simondon G. The limits of human progress: A critical study // Cultural Politics: An International Journal. 2010. № 6 (2). P. 229–236.
29. Uexküll J. Theoretical biology. London, New York: K. Paul, Trench, Trubner & co. Ltd., Harcourt, Brace & company, inc., 1926. 362 p.
30. Canguilhem G. Le Normal et le pathologique. Paris: PUF, 1972. 224 p.
31. Merleau-Ponty M. La Structure du comportement. Paris: PUF, 1942. 314 p.
32. Merleau-Ponty M. The Visible and the Invisible. Evanston: Northwestern University Press. 1968. 282 p.
33. Merleau-Ponty M. Phénoménologie de la perception. Paris: Gallimard, 1945. 531 p.
34. Shannon C.E. The Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. № 27 (3). P. 379–423.
35. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V A C Press, 2020. 400 с.
36. Ивахненко Е.Н. Навстречу «новой эпистемологии»: рекурсивность и контингентность Юка Хуэя // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 220–233.
37. Саяпин В.О. Рекурсивные миры и контингентные порядки: техносоциальная динамика в философии Жильбера Симondona и Никласа Лумана. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. 324 с.
38. Харауэй Д. Манифест киборгов. М.: Совместная издательская программа Музея современного искусства «Гараж» и издательства Ad Marginem, 2017. 128 с.
39. Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 274 p.
40. Wyatt S. Technological Determinism is Dead: Long Live Technological Determinism // The Handbook of Science and Technology Studies. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 165–180.
41. Chabot P. La Philosophie de Simondon. Paris: Vrin, 2003. 157 p.
42. Barthelemy J.-H. Life and Technology: An Inquiry Into and Beyond Simondon. Meson Press, 2015. 74 p.
43. Simondon G. L Invention dans les Techniques, Paris: Seuil, 2005. 347 p.
44. Саяпин В.О. Рекурсия как способ самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2023. № 3 (49). С. 62–67.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья представляет собой серьезное и оригинальное исследование, обладающее несомненной научной ценностью и полностью соответствующее профилю журнала «Философская мысль». Предмет исследования четко определен и обладает значительной теоретической глубиной. Автор сосредотачивается на анализе философии техники Жильбера Симондона как перспективного пути преодоления методологического тупика, заданного противостоянием технологического детерминизма и социального конструктивизма. Особую актуальность работе придает то, что автор не ограничивается историко-философской реконструкцией, а намечает проект синтеза, соединяющий идеи Симондона с критической теорией Герберта Маркузе и современными социальными исследованиями науки и технологий (STS), в частности, с акторно-сетевой теорией Бруно Латура.

Методология исследования отличается продуманностью и комплексностью. Автор грамотно сочетает метод историко-философской реконструкции, позволяющий выявить глубинные связи между проектами Симондона и Маркузе, с методом критико-теоретической интерпретации, который дает возможность вступить в продуктивную полемику с современными теоретическими подходами. Также автором задействуется социокультурный анализ, переводящий абстрактные философские категории в плоскость анализа конкретных технологических практик и конфликтов, таких как борьба за «право на ремонт» или развитие алгоритмов рекомендаций. Это демонстрирует не только теоретическую, но и практическую научную ценность работы, показывая, как предложенный синтез может служить инструментом для осмысления актуальных проблем технологического развития.

Научная новизна статьи заключается в предложенном автором интегративном подходе. Ключевой гипотезой является утверждение, что демократическое участие в формировании технологических систем является не внешним моральным требованием, а имманентным условием подлинно прогрессивного технологического развития. Для обоснования этой гипотезы автор проводит тонкий анализ центральных концептов Симондона: "конкретизации", "индивидуации", "доиндивидуального" и "трансиндивидуального" и убедительно показывает их созвучие с маркузианской "потенциальностью". Данный синтез позволяет переосмыслить природу технологического прогресса и открывает нормативную перспективу для его демократизации.

Структура работы логична и последовательно, имеются тематические подзаголовки, которые облегчают восприятие сложного материала. Стиль изложения соответствует канонам академического письма, он точен и содержателен. Список литературы впечатляет своей основательностью и релевантностью. Автор демонстрирует свободное владение широким пластом философских источников и современной литературы, включая не только ключевые тексты Симондона, Маркузе и Латура, но и работы таких авторов, как Бернар Стиглер, Мануэль Деланда, Шошана Зубофф и Ник Срничек, что позволяет вписать исследование в самый широкий интеллектуальный контекст.

Важным достоинством работы является то, что автор не уклоняется от потенциальных возражений, а напротив, апеллирует к оппонентам, заранее подвергая свою позицию возможной критике. В статье автор предвосхищает и дает содержательный ответ на такие серьезные обвинения, как технологический детерминизм, технологический оптимизм и утопизм. Это не только укрепляет аргументацию, но и демонстрирует глубину проработки проблемного поля.

В заключении автор убедительно подводит итоги, суммирует вклад своего исследования в существующий исследовательский контекст и намечает перспективы дальнейшей работы. Предложенный синтез представляется чрезвычайно плодотворным для философии техники, политической теории и социальных исследований технологий. Статья однозначно вызовет значительный интерес у читательской аудитории журнала «Философская мысль», поскольку предлагает оригинальный концептуальный аппарат для анализа самых острых проблем современного технологического и социального мира. Работа заслуживает высокой оценки и рекомендуется к публикации в представленном виде без значительных изменений.